

Греческое языкознание обогатилось новым важным трудом — предметно-понятийным словарем древнейшего письменного языка Греции, каковым является на сегодняшний день язык крито-микенских надписей. Рецензируемый словарь — работа многоплановая. Это прежде всего вклад в теорию и практику лексикографии вообще и идеографической лексикографии в частности; это не только работа по древнегреческой лексикографии, но и глубокое исследование по микенологии — младшей из отраслей классической филологии.

Словарь открывается вступительным разделом «Древнегреческая лексика как объект идеографического описания» (с. 3—41), который подготовлен А. К. Гавриловым. Автор раздела подчеркивает, что «значение (древне)греческого понятийного тезауруса... отнюдь не исчерпывается ролью инструмента в изучении самого древнегреческого языка и культуры... ГПТ может стать важным источником для любых сравнительно-исторических и сопоставительных лексикологических исследований. Он будет служить и удобным пособием при выработке научной терминологии, а также неординарным орудием для всех исследований по истории культуры» (с. 7).

В дальнейшем автор представляет понятийную систему Халлига-Вартбурга, которая легла в основу рецензируемого словаря. Заключительная часть вступительного раздела (с. 24—25), посвященная структуре понятийного тезауруса и процедуре его составления, несомненно, представляет интерес не только для эллинистов, но и для специалистов по идеографии других языков.

В следующем разделе — «Крито-микенский диалект» (с. 42—46), написанном Н. Н. Казанским, кратко излагаются сведения об эгейской цивилизации, о письменностях бассейна Эгейского моря II тысячелетия до н. э. и истории их изучения, в первую очередь о микенской культуре и линейном письме Б. Несмотря на предельную ограниченность объема, этот раздел содержит немало интересных данных. Автор, в частности, раскрывает картину широких связей микенской культуры с культурой Италии, Малой Азии, Финикии и Египта, касается вопросов политического и экономического устройства микенских государств. Упоминается даже имевшее место в конце XIX в. влияние только что открытой микенской культуры на европейское искусство. Впрочем, этот факт, пожалуй, более важен для новой истории, чем для микенологии.

Большой интерес для микенологов и филологов-классиков представляет «Краткая грамматика крито-микенского диалекта» (с. 47—61), также составленная Н. Н. Казанским. Напомним, что до выхода в свет рецензируемого труда единственным описанием микенского диалекта в советской науке была первая часть известной монографии С. Я. Лурье [1]. Несмотря на то, что этот труд был написан на заре микенологии, он и сейчас представляет значительный научный интерес для подготовленного специалиста. Однако начинать с него изучение основ микенологии затруднительно. Как пособие для начинающих указанная часть монографии С. Я. Лурье, к сожалению, устарела по причине публикации новых надписей, изменений в системе транслитерации микенских текстов и их нумерации, а также в связи с общим прогрессом микенологии. Поэтому нельзя не приветствовать включение в рецензируемую работу грамматического очерка. Хотя автор указывает, что основой его послужила пробная грамматика Э. Вилборга [2], очерк содержит новые данные и положения, учитывающие современное состояние микенологии.

В разделе, посвященном графической системе, приводятся, несомненно, интересные и важные сведения о письменностях Эгеиды и Восточного Средиземноморья, генетически родственных линейному письму В. Нам представляется, однако, что этот раздел следовало бы целиком посвятить графической системе линейного письма В как таковой, а по всем остальным вопросам ограничиться ссылками на литературу. Это дало бы возможность осветить, в частности, вопрос о классификации знаков линейного письма В, которые распределяются, по мнению большинства микенологов, на четыре группы: слоговые знаки (силлабограммы), идеограммы, обозначения мер и весов и числовые обозначения. Здесь же можно было бы представить основные концепции микенской графической системы, сложившиеся в микенологии. Было бы уместно также подчеркнуть высказанную в свое время И. М. Тронским мысль о том, что уступая во многих отношениях алфавитному греческому и даже генетически родственному кипрскому слоговому письму I тысячелетия до н. э., микенская графика превосходила их в точности передачи слоговой структуры греческого языка [3].

Фонетический раздел дает достаточно полное представление об особенностях фонетики и фонологии микенского диа-

лекта. Правда, ввиду очевидности бесспорно правильного положения об оппозиции микенских гласных по долготе при ограниченном объеме раздела его вполне можно было бы опустить.

Этот раздел завершается возражением автора против теории различного фонологического статуса дифтонгов на *-i* и на *-u*. При этом надо было бы изложить непосвященным читателям теорию бифонематического статуса дифтонгов на *-u*, выдвинутую А. Бартонеком [4]. На наш взгляд, эта теория подтверждается судьбой древнегреческих дифтонгов в новогреческом: все рефлексы древних дифтонгов на *-i* представляют собой сейчас монофонемные единицы, а дифтонги на *-u* (кроме *ou*) в новогреческом отражены бифонемными сочетаниями. Н. Н. Казанский, напротив, считает, что отсутствие специального обозначения *-i* как второго элемента дифтонга является особенностью микенской графики, а не обусловлено монофонематическим статусом таких дифтонгов. Полагаем, что такое предположение могло бы послужить началом интересной научной дискуссии.

Раздел, посвященный морфологии, представил для автора наибольшие трудности ввиду исключительной сложности и спорности многих ее проблем. Несомненно, что совершенно невозможно дать такое описание микенской морфологии, которое не вызвало бы возражений ни у кого из микенологов. Тем не менее со своей задачей Н. Н. Казанский справился: его очерк соответствует последним научным данным и дает достаточно полное представление о микенском словоизменении. В кратком изложении раскрываются важные вопросы морфологии существительных (с. 52—54), прилагательных (с. 54—55), местоимений (с. 55), глагола и причастий (с. 56—57), описываются неизменяемые части речи (с. 57—58).

Автор довольно подробно останавливается на синкретизме падежей, семантике образований на *-pi* = *-phi*, окончания *-e* = *-ei* в дат.-местн. падеже ед. ч. атематических основ, образовании степеней прилагательных. К сожалению, досадные неточности допущены в таблицах микенского именного словоизменения: пропущен знак долготы гласных в ряде падежных форм тематических основ и основ на *-ā*. Окончанием им.-вин. падежа дв. ч. должно быть *-ō*, а не *-oi*, а правильной фонологической транскрипцией окончания генитива мн. ч. основ на *-ā* должно быть *-āhōn* [впрочем, передача этого окончания как *-āon* (ср. гомеровское $\pi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\omega\upsilon$) не представляет собой, на наш взгляд, серьезной погрешности]. Явная опечатка допущена в окончании дат. падежа ед. ч. атематических основ (*-is* вм.-*i*).

Своеобразно подходят составители к спорному вопросу о числе падежей микенского диалекта. Они в принципе признают микенский инструменталис, слившийся в языке классической эпохи с дательным—местным. Но, как видно из таблицы и из грамматических помет в самом словаре, инструментальным падежом считают только те формы, которые имеют на письме особые окончания, отличные от окончаний дательного падежа, т. е. только инструментальный падеж мн. ч. При этом, к примеру, форма *po-ni-ke* помечена как дательный ед. ч., а употребленная в идентичном контексте форма *po-ni-ki-pi* — как инструментальный падеж мн. ч. (с. 68). Словоформа *e-ka-ma-te* интерпретируется как дательный падеж ед. ч., а *e-ka-ma-pi* — как инструменталис мн. ч. (²)pl. (с. 110), хотя здесь же форма *po-pi* помечена как инструменталис мн. ч. В ед. числе, по мнению составителей, вместо инструменталиса употреблялся датив. С таким подходом нельзя согласиться. Если уже признавать инструментальный падеж как особую грамему категории падежа (а для этого, по нашему мнению, есть все основания), то надо выделять особые формы этого падежа и в единственном числе, причем даже в том случае, если бы инструментальный в этом числе совпадал по форме с дательным—местным. Однако скорее всего инструментальный имел в этом числе свои собственные формы, которые можно интерпретировать на основе рудиментарных форм инструменталиса на *-ō*, *-ā*, *-ŋ* в языке классического периода и данных других и.-е. языков [5, 6]. Кстати, нарушая свой же принцип, составители (совершенно правильно, на наш взгляд) определяют форму *ka-ru-we* как инструменталис ед. ч.

Раздел о глаголе составлен очень удачно. Можно было бы только еще подчеркнуть особую архаичность микенских медиальных окончаний *-toi u -ntoi* (классич. $-\tau\alpha$ и $-\nu\tau\alpha$).

Что касается предлогов, то автор следует распространенной среди микенологов точке зрения о преимущественном употреблении микенских предлогов с дательным (точнее с дательным—местным) падежом. Действительно, наиболее распространенный в надписях предлог *pa-ro* = *para* (атт. $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$) в подавляющем большинстве случаев употребляется именно с этим падежом. Однако этот факт объясняется тем, что в контекстах хозяйственно-административных записей, каковыми являются крыто-микенские надписи, предлог *para* выступает в possessивном значении, а в этом случае при *para* датив нормально употреблялся и в классическом языке.

В разделе, посвященном синтаксису, отрядным является привлечение новых

индоевропейских данных для объяснения особенностей порядка слов (с. 58). Никаких возражений этот раздел не вызывает. В чисто дискуссионном плане хотелось бы только предложить свое толкование примера из пилосской надписи Ae 134, который Н. Н. Казанский вслед за Э. Вилборгом считает случаем тмесиаса. По нашему же мнению, *o-pi* = *opi*, *epi* в данном случае представляет собой предлог, сочетающийся с локативной по значению формой на *-pi* (ϕ): *o-pi qe-to-ro-po-pi o-ro-me-no* = *opi q^uetro-papphi horomenos* «наблюдающий над четвероногими», т. е. «пасущий стада». В пользу нашего понимания говорит тот факт, что глагол *οράω* требует после себя винительного падежа. Идентичную синтаксическую конструкцию представляет собой гомеровский пример *ποταίνων δ' ἐπ' οὐσσῶ* «пасущий овец» (Ил. VI, 25), где выступают причастие и предлог *ἐπί* с дательным падежом.

Составленный совместно В. П. Казанскене и Н. Н. Казанским Микенский понятийный лексикон (с. 62—159) — основная часть данной работы — задуман первоначально как Проект понятийного словаря древнегреческого языка. В разработке его концепции привлекли также участие известные филологи-классики и лингвисты — А. В. Грошева, А. И. Зайцев, В. П. Нерознак, А. К. Гаврилов. Понятийный лексикон охватывает всю бесспорно или гипотетически интерпретированную на сегодняшний день лексику греческого языка микенской эпохи (ср. основные разделы словаря: *Вселенная*: небо и атмосферные явления, земля, растения, животные; *Человек*: физический тип, душа и интеллект, человек в обществе, социальная организация; *Человек и вселенная*: существование, качество и состояние, размеры, познаваемое на вкус, значимость, ценность и др.). Он полностью соответствует концепции, изложенной во вступительном разделе, и нынешнему этапу развития микенологии. Сохранив схему Халлинга — Вартбурга, составители применили свою гораздо более удобную систему индексации понятийных рубрик, применив пятизначные индексы. Для понятий, не отраженных в дошедших до нас надписях, были оставлены пустые номера. Как указывается в правилах пользования словарем (с. 62), пятизначный индекс раздела в дальнейшем с появлением понятийных словарей других языков даст возможность, используя ЭВМ, установить семантические переходы, универсальные для языка вообще.

Слова в каждой рубрике приводятся в тех форме и значении, в каких они выступают в известных нам текстах, каждое

слово дается в текстовом окружении. Всюду, где это возможно, дается интерпретация реалий микенской культуры, например, в словарных статьях *pa-ra-ku* «вид металла, возможно, железо» (с. 66), *ka-na-ko e-ru-ta-ra* «красящий шафран» (с. 69), *ku-mi-no* «тмин» (с. 81), *di-ple-ra-po-ro* «одежье в шкуры» (с. 82), *ku-ru-su* «сосуд на трех ножках» (с. 121) и мн. др. В интерпретации микенских слов были использованы результаты работы целого поколения микенологов. К понятийному словарю прилагается алфавитный индекс крито-микенских слов, что дает возможность пользоваться им и как обычным словарем.

Составители максимально использовали все возможности для заполнения рубрик. В частности, многие абстрактные понятия оказалось возможным представить на основе изучения личных имен. Скажем, понятие «страх, ужас» отражено в личных именах *tu-ka-na* и *tu-ke-ne-u*, которые, вероятно, представляют собой производные от глагола *στύγέω* «чувствовать ужас или отвращение»: *Stugnā*, *Stugneus*.

Давая общую оценку рецензируемому труду, следует отметить, что он представляет собой большой теоретический и практический интерес для широкого круга специалистов по лексикографии, общему языкознанию и индоевропеистике, для филологов-классиков. Высказанные выше критические замечания носят в основном дискуссионный характер и никоим образом не меняют нашей высокой оценки рецензируемой книги. Остается только пожелать, чтобы работа над Проектом понятийного словаря древнегреческого словаря, столь успешно начатая Микенским понятийным лексиконом, была продолжена и привела в конечном результате к созданию древнегреческого понятийного словаря-тезауруса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.— Л., 1957.
2. *Vilborg E.* A tentative grammar of Mycenaean Greek. Göteborg, 1960.
3. Тронский И. М. Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо // Древний мир. Академику В. В. Струве. М., 1962.
4. *Bartonek A.* Monophonemic diphthongs in Mycenaean // *Minos*. 1963. V. 8.
5. *Lejeune M.* Notes de la morphologie mycénienne // BSLP. 1965. V. 60.
6. Тронский И. М. К вопросу об окончаниях инструменталиса в греческом языке // *Иноземна филология*. 1972. 28.

Шарыкин С. Я.